

“СИНЯЯ БЛУЗА” И МОССЕЛЬПРОМ

Это было осенью 1924 года. Председатель Правления Моссельпрома тов. Краснов сказал: «У нас около шестидесяти пивных; в этих пивных выступают хоры, гармонисты и прочая эстрадная публика. Хорошо бы использовать эти возможности и дать в пивные культурное зрелище. Мы пригласили “Синюю блузу”, но она оказалась несколько суха для пивной эстрады; необходимо ее оживить. Не возьметесь ли вы за эту работу?» Предложение было очень заманчивое, и я согласился.

Пивные Моссельпрома представляли собой весьма пестрое зрелище. Начиная с перворазрядных ресторанов, вроде «Праги», и кончая полутемными, освещаемыми керосиновыми лампами «тавернами» в Петровском парке.

Разбросанные по всем районам, они меняли свою физиономию в зависимости от районной публики. Были пивные, в которых главный контингент посетителей составляли рабочие с ближайших фабрик, и были такие, где публика сплошь состояла из ломовых извозчиков или базарных торговцев.

Зрелищное дело в пивных было поставлено чрезвычайно примитивно. В «шикарных» ресторанах и пивных, там, где можно было себе позволить расход побольше, выступали или большие хоры или сборная программа, а в антрактах играл так называемый «салонный оркестр». В пивных победнее выступали хоры похуже и оркестр поменьше, а в совсем бедных пивных играли гармонисты; но во всех одинаково преобладал музыкальный жанр. Музыка – вещь нейтральная и аполитичная, и под нее, по-видимому, любителю выпить хорошо пьется.

Одного пивного завсегдатая спросили, почему он так часто ходит в пивную. Он ответил: «Я очень люблю слушать музыку». Ему посоветовали лучше сходить в Большой театр на оперу, – он ответил: «Да, но там не дают пива».

Первые выступления «Синей блузы» в пивных вызвали недоумение, но и интерес. Было очень неожиданно, что среди пива, раков и гороха появились люди в синих блузах и вместо скабрёзных куплетов и двусмысленных песен стали петь и говорить на злободневные и политические темы.

Репертуар «Синей блузы» складывался на клубной работе: были номера, изображающие признание Советской России буржуазными государствами, были бытовые сценки на антирелигиозные темы, на темы о борьбе с частным торговцем, о повышении производительности труда, о смычке города с деревней.

Сценическое оформление этих номеров было чрезвычайно примитивно – плакатно. Просто-напросто выходила на сцену женщина в той же синей блузе с надписью «Советская Россия», потом выходило несколько мужчин в тех же синих блузах, но в цилиндрах и котелках и с надписями «Англия», «Франция», «Италия», «Япония». Мужчины пели куплеты о том, что им никак не обойтись без того, чтобы не признать Советскую Россию и всячески около нее увивались, а женщина насмешливо принимала их

признание и, наговорив, или, вернее, напев претендентам всяких колкостей, соглашалась быть признанной. И несмотря на этот примитив, несмотря на то, что куплеты были не очень складные, сама тема была настолько жива и актуальна, что пивная публика с большим вниманием и интересом принимала этот номер.

В некоторых пивных, преимущественно отдаленных от центра, успех этих номеров был настолько велик, что посетители приходили в пивную еще задолго до начала программы, приходили с женами и детьми, как в театр. Пивники утверждали, что это невыгодно, потому что приходит целая семья, занимает столик, сидит весь вечер и выпивает всего одну, две бутылки пива.

Не меньшим успехом пользовались номера на антирелигиозные и бытовые темы. Однако здесь дело не обходилось без скандала. Публика делилась на два лагеря, и происходили «серьезные» дискуссии на тему: жулики ли попы или нет, и что лучше: частная торговля или кооперация?

Однако первый успех быстро иссяк. Публика в пивных всегда одна и та же, или, во всяком случае, основное ядро посетителей постоянно. «Синяя блуза», в том ее первоначальном, плакатном виде, быстро надоела, и публика стала требовать чего-то другого.

Выступления «Синей блузы» требовали к себе определенного внимания: просто сидеть и пить пиво так, как это можно было делать под музыку, было невозможно. Музыка можно ощущать, как гармонический шум, и не обращать на нее специального внимания; за выступлениями «Синей блузы» необходимо было следить. Она была недостаточно нейтральна. Пивники стали жаловаться, что «Синяя блуза» превращает пивную в агитационный пункт, и что посетителям скучно.

Надо отметить, что между клубом и пивной та огромная разница, что в клуб люди шли с целью получить политагитационную зарядку; они знали, что их ждет в клубе. В пивную же часто эти же самые люди шли для того, чтобы от этой политагитации отдохнуть и провести время вне злободневных интересов политического дня. Вторжение политики в пивную большинством завсегдаев пивных было воспринято как нарушение исконных прав «кабацкой свободы».

Встала задача изобрести такую форму эстрадных выступлений, чтобы они, не теряя своей политической значимости, приближались к привычному развлекательному типу эстрадных выступлений. Нужно было скомбинировать «Синюю блузу» с исконными эстрадными эффектами.

Задача эта была чрезвычайно сложна и остается сложной до сих пор. Это и есть та задача создания политэстрады, над которой бьются эстрадники и которая осуществляется чрезвычайно медленно.

Эстрадный уклон

Прежде всего, в самой «Синей блузе» на первых порах возникла серьезная оппозиция против эстрадного уклона. Синяблузники боялись, что эстрадный жанр извратит основную тенденцию «Синей блузы» быть политагитаторами, а не развлекателями. Привычка выступать в клубах, привычка считаться с клубными запросами выработала в «Синей блузе» пренебрежительное отношение к легкому эстрадному жанру. Им казалось,

что они уронят свое достоинство, если начнут подражать эстрадным куплетистам и танцорам.

Второе затруднение заключалось в том, что среди синемблужников почти не было людей с эстрадной квалификацией. Между тем эстрадные выступления для того, чтобы произвести надлежащий эффект, более, чем какая-либо другая театральная работа, требуют высокой квалификации.

Но был среди синемблужных коллективов один, который этой эстрадной квалификацией, в некоторой степени, обладал. Это был коллектив, члены которого в свое время выступали в кабаре «Нерыдай».

Положение этой группы на эстрадном рынке было очень двусмысленное. Старые эстрадники смеялись над примитивной техникой синемблужников и предпочитали исполнять свои старые затрепанные номера по халтурным концертам. А в «Синей блузе» на нерыдайцев косились за их эстрадные навыки. Несколько раз поднимался вопрос о том, чтобы раскассировать этот коллектив и распределить его по другим коллективам для того, чтобы нейтрализовать эстрадный уклон. Но «нерыдайцы» крепко держались друг за друга и в таком виде перешли на работу в Моссельпром. Естественно, что когда явилась надобность в этом эстрадном уклоне, «нерыдайцы» оказались самым подходящим материалом для опыта политэстрады.

Прежде всего, нужно было изменить самый внешний облик коллектива. Вместо синих блуз надо было придумать какой-нибудь более эффективный эстрадный костюм. Всем членам коллектива были сшиты черные куртки с красными отворотами. Униформа была нужна, чтобы сохранить так называемые парады: вступительный и заключительный, которые практиковались в «Синей блузе». Эти парады подчеркивали не случайность всей программы, а демонстрировали наличие единого коллектива.

Вторым вопросом был вопрос о том, как назвать этот коллектив. Официально он никак не назывался, но для себя называли его политкабаре.

Униформы и название были, конечно, мелочью. Трудности заключались совсем в другом.

Где текст?

Прежде всего – репертуар. Коллективы «Синей блузы» питались тем репертуаром, который им давала редакция журнала «Синяя блуза». Репертуар этот был очень примитивно идеологически выдержан и очень слабо оформлен. В «Синей блузе» в качестве литераторов работали начинающие малоквалифицированные поэты, и продукция их была слаба.

По стилю своему репертуар делился на патетические «оратории», сатирические агитки, на куплеты, частушки и раешники. «Оратории» представляли собой хоровую декламацию под музыку на большие политические темы. Сатирические пьески, преимущественно, стихами высмеивали врагов Советской России, внутренних и внешних, причем синемблужные литераторы мало беспокоились о том, чтобы сюжет этих пьесок был остроумен и чтобы слова были достаточно остры. Им казалось, что если тема важная, то все остальное приложится, и особенного труда в стилистической обработке себе не давали. То же относится и к частушкам и к куплетам.

Причина, почему наши литераторы, наши поэты и юмористы с трудом пишут для эстрады, заключается в том, что эти поэты и юмористы плохо знают эстраду и ее потребности. Писать для эстрады вне эстрады также немислимо, как немислимо писать сценарий вне кинофабрики. То, что кажется интересным и остроумным на бумаге, оказывается тупым и плоским в исполнении.

Были номера, которые проходили во всех пивных с одинаково шумным успехом, - ими были такие номера, как, например: политический цирк, в котором под видом разных цирковых номеров изображались: Англия, Франция, Италия и прочие империалисты; или газетный конгресс, где в сатирической форме была показана продажность буржуазной прессы. Такого рода номера были неожиданностью на эстрадной сцене и не подходили ни под один из существующих эстрадных жанров.

Попытка создания политэстрады, политкабаре произвела должное впечатление в эстрадных кругах. Ею заинтересовались и на показательных понедельниках, которые устраивал горком эстрады; коллектив пользовался большим вниманием и успехом. Эстрадники увидели в этом опыте призыв перейти от аполитичных номеров к номерам злободневным и современным. Некоторые коллективы, выступавшие до сих пор только с хоровыми номерами, пытались разнообразить программу разговорным жанром и эстрадными пьесками.

Где музыка?

Помимо репертуара, постоянной заботой было музыкальное оформление. Частушки, куплеты, сценки требовали музыки; причем никто не знал, где ее добыть. Обычный прием «Синей блузы» заключался в том, чтобы использовать для музыкального оформления популярные мотивы; это были или опереточные мотивы или цыганские песни и романсы. Самостоятельных композиторов «Синяя блуза» тогда не имела, а так называемые «оригинальные» музыкальные произведения, сочиняемые пианистами «Синей блузы», были всего-навсего более или менее удачной компиляцией старых мотивчиков.

Такое музыкальное использование шаблонных мотивов неплохо вязалось с пародийным текстом, но никуда не годилось, когда нужно было давать не пародию, а положительный эффект. Очень глупо получалось, когда актриса, изображающая Советскую Россию, или актер, изображающий мировой пролетариат, пели свои слова на мотивы из «Сильвы» или «Гай-да тройка». Сценический облик этого персонажа требовал специальной музыки. В старом запасе этой музыки не оказалось, приходилось придумывать ее заново, но не было соответствующих композиторов.

Где костюм?

Не меньшей проблемой был вопрос о внешнем оформлении, о декорациях и костюмах. Передвижной характер синемолузных коллективов не допускал ни сложных декораций, ни сложного костюма. Обычно дело ограничивалось самыми необходимыми костюмными принадлежностями. Этого было достаточно для плакатных выступлений, но для более сложных политномеров, которые должны были конкурировать с обычными эстрадными номерами, этого было мало. Необходимо было разнообразней и острее оформить декоративную часть выступлений.

И здесь опять-таки, как и в вопросе о репертуаре и о музыке, сказалось отсутствие художников, работающих для эстрады. Эстрадный костюм, благодаря особым условиям эстрадной работы, должен быть в одно и то же время эффектен и портативен.

Старая эстрада выработала целый ряд таких костюмных штампов. Эти штампы настолько слились с эстрадным жанром, что можно безошибочно, по внешнему виду актера, определить его репертуар.

Какой-то автор принес злободневные куплеты, которые должна была исполнять женщина, изображающая Москву. В тексте было написано: «Выходит женщина в кокошнике и сарафане». Москва, или вообще Россия, уже сто лет как изображается в кокошнике и сарафане. Я ему указал, что для советской Москвы этот костюм несколько устарел: он не возражал, но заметил: какой же другой можно придумать костюм? Действительно, в каком костюме должна выходить актриса, изображающая советскую Москву? Безусловно, какие-то элементы для разрешения этого вопроса имеются, но требуется художественная, творческая фантазия для того, чтобы из этих элементов создать нужный облик.

В «Синей блузе», по примеру старой эстрады, выступал раешник в виде старика с седой бородой и в лаптях. Этот костюм предопределял поучительно-резонерский тон всего выступления. Для «Синей блузы» это было явным архаизмом, и потребовалось большое творческое усилие для того, чтобы заменить старика молодым комсомольцем. Молодой, безусый комсомолец в синей блузе уже, конечно, не мог говорить с теми же интонациями и в том же тоне, как говорил старик, и соответственно этому новому облику изменился и характер раешника.

В поисках нового эстрадного костюма, соответствующего нашим бытовым навыкам, синеблузники пытались использовать физкультурный костюм. И действительно, во многих случаях трусики удачно решали костюмную проблему. Но постепенно злоупотребление трусиками обратило все номера «Синей блузы» в какие-то гимнастические упражнения и стирало разницу между различными сценическими обликами. Надо было изобретать новые костюмы, но тут-то и сказалось отсутствие специальных, заинтересованных в этом деле художников.

Пришлось встретиться все с тем же пренебрежительным отношением к таким мелким проблемам, как эстрадный костюм. Большие художники предпочитают делать декорации и костюмы для больших театров, предпочитают изошрять свое творческое воображение на «высокой эстетике» типа «Любовь к трем апельсинам», «День и ночь», «Красный мак». Подыскать в нашей современности элементы сценического костюма кажется им занятием скучным и неблагодарным. В действительности же это, конечно, гораздо труднее, чем в сотый раз перекраивать одну и ту же театральную бутафорию.

Не так просто

Все эти трудности, вместе взятые, составляли для политестрады весьма тернистый путь. С большим трудом удавалось скомбинировать программу так, чтобы она представляла из себя значительный зрелищный интерес.

Пивники, не переставая, жаловались, что «Синяя блуза» отбивает от пивных посетителей, и все убытки по пивному делу решительно списывали на счет эстрадной идеологии. Требования сводились к тому, чтобы заменить «Синюю блузу» старыми испытанными эстрадными номерами, которые-де больше располагают публику к потреблению пива.

В конце концов, пивники победили, «Синяя блуза» ушла из пивных, и на подмостках снова утвердились украинские хоры и скабрзные куплетисты. Однако опыт

политэстрады сыграл большую роль в деле обновления нашей эстрады и выдвинул ряд проблем, которые ждут своего разрешения.

Создание политэстрады – это проблема всей нашей театральной культуры в целом. Разрешив проблему политэстрады, создав эту политэстраду, мы тем самым на три четверти решаем вопрос о новой театральности, о новом советском театре.